

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне

Л. Д. Поколотный, доц.,
Кировоградский пединститут

История создания романа К. М. Симонова «Так называемая личная жизнь» (к вопросу об эволюции жанра произведения)

Роман «Так называемая личная жизнь (из записок Лопатина)» — последнее произведение К. М. Симонова, создававшееся с 1956 по 1978 год. В обращении к читателям К. М. Симонов писал: «Двадцать с лишним лет назад, в ходе работы над трилогией «Живые и мертвые», я задумал еще одну книгу — из записок Лопатина, — книгу о жизни военного корреспондента и о людях войны, увиденных его глазами.

Между 1957 и 1963 годами главы этой будущей книги были напечатаны мною как отдельные, но при этом связанные друг с другом общим героем, маленькие повести («Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала»). Впоследствии все эти вещи я соединил в одну повесть, назвав ее «Четыре шага». А начатое в ней повествование продолжил и закончил еще двумя повестями («Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой...»).

Так сложился этот роман в трех повестях «Так называемая личная жизнь» [4, с. 4].

Казалось бы, сам писатель рассказал об истории создания своего последнего романа. Тем не менее представляется необходимым и интересным детально остановиться на вопросе истории работы и публикации К. М. Симоновым отдельных повестей, вместе составивших роман. На наш взгляд, эта история дает основания сделать вывод о том, как с годами происходили определенные сдвиги в авторском восприятии войны и человека на войне, все более усиливались психологизм повествования и умение писателя раскрыть нравственные глубины характера современника. Заслуживает внимания в связи с этим и процесс трансформации жанра произведения в ходе его создания: повесть — цикл повестей — роман.

Первые повести, центральным героем которых стал фронтовой корреспондент Лопатин, были опубликованы в журнале «Москва» (1957). В отдельных изданиях они первоначально назывались «Южными повестями». Произведения эти вызвали в то время острую полемику, в ходе которой К. М. Симонову были высказаны упреки в необъективном отражении событий сорок первого года. «Южные повести» стояли у истоков нового этапа советской литературы в освоении темы Великой Отечественной войны.

Спустя два года после выхода в свет романа «Живые и мертвые», рассказывая об истории создания этого произведения, К. М. Симонов в статье «Перед новой работой» писал о своем желании поведать читателям о событиях начала войны, происходивших на основных направлениях фронта от Черного до Баренцева моря. «География эта родилась из, казалось бы, верного побуждения как можно шире воспользоваться собственными впечатлениями и собственными дневниками, которые я вел в начале войны. Мои герои должны были действовать именно в тех местах, где был я сам» [3, с. 525].

Осуществляя первоначальный замысел, К. М. Симонов, по его признанию, «написал шестьдесят листов очень разбросанного повествования, где, казалось, было все, но не чувствовалось самого главного — настоящего хребта войны» [3, с. 526].

В ходе работы над романом писатель убедился, что ни обширная география войны, ни наличие нескольких сюжетных линий сами по себе не придадут произведению подлинно эпического характера, а порой даже могут привести к повторению некоторых ситуаций. В результате долгих размышлений он на время отложил работу над романом и «на материале ...двенадцати хирургически удаленных листов написал две маленькие повести. Одна из этих повестей — «Пантелеев», думаю, — писал К. М. Симонов, — удалась мне как вполне самостоятельная вещь. Вторая повесть — «Еще один день» (впоследствии переименованная в «Левашов». — Л. П.), вопреки моим намерениям, сохранила в себе некоторую фрагментарность, незаконченность» [3, с. 526].

В первых двух повестях, как и в романе «Живые и мертвые», главными оказываются героические и трагические события сорок первого года, их глубоко правдивое, сурово реалистическое изображение, а также стремление писателя, не выходя за рамки воспроизводимой эпохи, ответить на вопросы — как это произошло и как, несмотря ни на что, наш народ сумел преодолеть трагедию начального периода войны.

Следует отметить, что в период работы над первым романом трилогии и первыми повестями цикла «Из записок Лопатина» писатель пытался осмыслить в теоретическом плане специфику жанра романа на современном этапе развития общества и пришел к следующему выводу: «В нашей литературе в последнее время более бурно развивается роман «события», чем роман «судьбы»... Естественно желание многих писателей: вместо того чтобы длинным лучом света проследить всю судьбу человека от рождения до смерти, бросить этот свет широкой полосой на главное событие в жизни своих героев, причем это главное событие чаще всего в то же время и важное событие в жизни страны» [3, с. 534—535].

Эти выводы писателя имеют под собой определенные основания и квалификация их от начала до конца ошибочными, как это сделало большинство критиков начала 60-х годов, было бы несправедливым. Для советской литературы характерно изображение людей активных, деятельных, преобразующих мир. Показывать подобных героев без изображения событий, от которых

зависит их жизнь, значило бы грешить против правды. Однако было бы ошибочным абсолютизировать принципы типологии романа, выдвинутые К. М. Симоновым, поскольку детальная разработка характера и судьбы героя ни в коей мере не противоречит исторически конкретному изображению события, в котором характер раскрывается. Творческая эволюция писателя свидетельствует, что он сам приходит к пониманию ограниченности подобной типологии. Даже в первом романе трилогии и в «Южных повестях» немалое место занимает раскрытие судеб основных героев — политрука Синцова и комбрига Серпилина («Живые и мертвые»), комиссара Пантелеева и комбата Левашова («Южные повести»). Хотя известное увлечение событийностью привело к тому, что писатель основное внимание акцентировал на передаче гражданских чувств названных персонажей, а, как известно, каждому человеку присущи не только эти, но и сугубо личные, интимные чувства. К. М. Симонов даже сожалеет, что в «Живых и мертвых» он «напрасно отдал дань мнимой обязательности для романа наличия в нем семейных линий. И как раз это оказалось самым слабым в моей книге» [3, с. 536].

Действительно, эти линии в романе (в «Южных повестях» они вовсе отсутствуют) оказались суховато рационалистичными. Увлечение писателя событийностью подтачивало первооснову романного повествования, детальное воспроизведение события, факта подменяло нередко целостное и многогранное бытие личности.

Историзм событий вытеснял историзм характеров, что не могло не сказаться на художественной специфике романа, в который история должна входить прежде всего через историю и судьбу личности. Писатель проявил некоторое пренебрежение к сфере интимно-частной жизни, не сумев слить в один сплав частное и общее. Все это делало роман «Живые и мертвые» в известной степени одномерным произведением, и печать этой одномерности лежит также и на первых повестях «Пантелеев» и «Левашов», пафос которых состоял, несомненно, в исследовании и реалистическом воспроизведении событий первых месяцев войны.

Следующие повести «Иноземцев и Рындин» и «Жена приехала» создавались в период работы К. М. Симонова над вторым романом трилогии «Солдатами не рождаются», законченном в 1964 г. (повести датированы 1963 г.). Этот роман со всей очевидностью показал искусственность разделения типов романа на «роман судьбы» и «роман события». В романе «Солдатами не рождаются» дана исторически верная картина Сталинградского сражения на его завершающем этапе, в то же время главные герои предстают более обогащенными в психологическом плане. Писатель подробно рассказывает и о Серпилине-полководце новой формации, в сугубо служебной сфере, и о Серпилине-отце, переживающем трагедию разобщенности со своим приемным сыном, о Серпилине-муже, теряющем жену, о Серпилине, дружеские чувства которого раскрываются как в эпизодах встреч со старым другом Иваном Алексеевичем, так и в зарождающейся дружбе с подростком Гришей Приваловым, а в заключающей трилогию

романе «Последнее лето» много места отводится рассказу о любви Серпилина к военврачу Барановой.

Так же и Синцов показан писателем не только в сфере служебных обязанностей, но и в отношениях с «маленькой докторшей» Таней Овсянниковой. Обогащение симоновской палитры человеческого характера было отмечено критикой, высоко оценившей роман [2].

Углубление психологизма во втором романе, пристальный интерес к человеческим судьбам, единодушно отмечавшиеся критиками, обращают на себя внимание и в повестях «Иноземцев и Рындин» и, особенно, «Жена приехала», над которыми писатель работал параллельно с романом «Солдатами не рождаются». В повестях основным стержнем остается война, характер героя цикла — Лопатина проявляется прежде всего в отношении к главному делу жизни. Однако впервые (не только в произведениях этого цикла, но и вообще в творчестве К. М. Симонова) драматический конфликт повести «Жена приехала» раскрывается писателем в сфере так называемой личной жизни. Есть основания утверждать, что именно с этой повести усиливаются элементы, характерные традиционно романному повествованию, которые станут доминирующими в последующих повестях цикла — «Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой...». В последних двух повестях (1972 и 1978 гг.) еще более усиливаются жанровые признаки традиционного романа. Значительно расширяется «населенность» повестей, причем новые герои — не просто эпизодические персонажи, встречи с которыми обусловлены корреспондентскими поездками Лопатина; каждый из них — человек со своей судьбой, играющий значительную роль в сюжетном развитии произведения, несущий большую смысловую нагрузку в раскрытии их проблематики. Становится более сложным и разветвленным сюжет. Война не «уходит» из повестей, даже из той, что названа «Двадцать дней без войны», однако представляет теперь для писателя не самоценный интерес, как событие, а как сфера деятельности его героев, где проверяется их подлинная нравственная сущность.

В последней повести — «Мы не увидимся с тобой...» — К. М. Симонов размышляет о том, что термин «личная жизнь» — сомнительный термин, ибо «никакой другой жизни вообще-то нет в природе, кроме личной. Разве есть у человека еще какая-то другая жизнь, не личная, — безличная какая?» [4, с. 499]. В этих размышлениях, справедливо отмечает Л. Финк, «конечный итог пути большого художника, овладевшего искусством видеть, понимать и изображать цельного человека. Теперь в жизни его героев личное и общественное воспринимается в их нераздельности, что и отразилось в красноречивом названии последнего романа Симонова «Так называемая личная жизнь» [5, с. 399—400].

Усиливающиеся от повести к повести психологизм повествования, мастерство писателя в понимании и изображении цельной человеческой личности нашли свое отражение и в жанровой специфике произведения, в ее трансформации. К. М. Симонов все

активнее вовлекает в сферу повествования наряду с чисто военными эпизодами семейно-бытовые коллизии Лопатина, что, с одной стороны, позволило писателю глубже проникнуть в сущность характера персонажа, а с другой — придавало повествованию свойства традиционного «семейного» романа, который, как ему некогда казалось, будучи широко распространенным в классической литературе, ныне исчерпал свои возможности. В последнем романе писатель использует и завершенность сюжетных линий, которую он в свое время отрицал.

Приступая к изданию романа в повестях «Так называемая личная жизнь», К. М. Симонов в одной из бесед говорил: «Специально собрал эти повести под одной «крышей»... Хочу, чтоб кто-то прочитал их подряд, только так, знаете ли, разом, залпом... и сказал бы... стоит ли мне дальше писать беллетристику» [1, с. 392]. Естественно, ему пришлось проделать некоторую работу, чтобы более прочно связать друг с другом созданные ранее как самостоятельные произведения повести. Это была в основном работа на стыках, а также стилистическая правка, но никаких кардинальных перемен повести, составившие роман, не претерпели. Это, на наш взгляд, является лишним доказательством того, что повести Симонова уже в процессе их создания тяготели к перерастанию в роман, и их объединение под одной «крышей» — не авторский произвол, а результат жанровой эволюции произведений, создававшихся на протяжении двух с лишним десятилетий, ступенями которой явились повесть — цикл повестей — роман.

Подобная жанровая модификация, то есть роман в повестях, имеет прецедент как в русской классической литературе, так и в советской. Достаточно назвать «Героя нашего времени» М. Лермонтова или роман В. Астафьева «Царь-рыба», который сам автор определил как «повествование в рассказах». Если у К. М. Симонова многочисленные эпизоды соединяются прежде всего образом главного героя и в этом состоит типологическая общность его книги с романом М. Лермонтова «Герой нашего времени», то у В. Астафьева это «сцепление» осуществляется благодаря образу повествователя. Но у М. Лермонтова, как и у В. Астафьева, подобная жанровая разновидность была избрана изначально, у К. Симонова же она выкристаллизовалась в процессе работы и стала следствием обогащения его творческого представления о человеческом характере, возраставшего год от года мастерства в постижении и художественном воспроизведении глубин человеческой психологии, что, в свою очередь, сказалось в выборе типа повествования, в особенностях сюжетного построения и в конечном итоге в трансформации первоначально избранного жанра произведения.

Список литературы: 1. Панкин Б. Строгая литература. М., 1982. 400 с. 2. Проза 1964 года.— Вопросы литературы, 1965, № 1. 3. Симонов К. М. Сегодня и давно. М., 1978. 656 с. 4. Симонов К. М. Так называемая личная жизнь. М., 1978. 594 с. 5. Финк Л. Константин Симонов. М., 1979. 414 с.

Статья поступила в редколлегию 04.05.83.